

А. С. Неверов

ЯШКИНА СКУКА

РАССКАЗ

ЗАДАЧНИК

ГРАММАТИКА

Б

Н401А9

МОСКВА

ИЗДАНИЕ Г.Ф. МИРИМАНОВА
1925

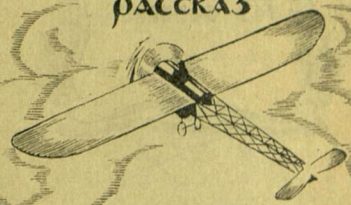
не покр.
мет

Н-401

А.С.НЕВЕРОВ

ЯШКИНА СКУКА

РАССКАЗ

РИСУНКИ В. АРТЕМЬЕВА

1925
ИЗДАНИЕ Г.Ф. МИРИМАНОВА
МОСКВА

б
Н401.А9

~~79668~~ 1957-58 г.

~~НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТСИЗА~~

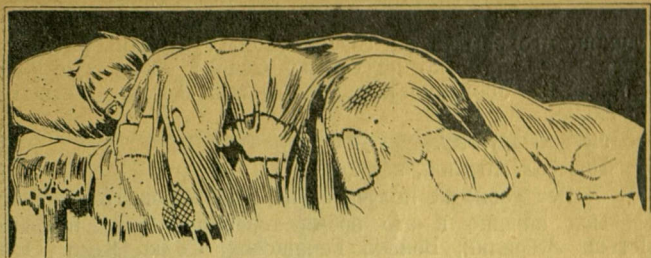
668698 рег.-оз.

Российская государственная
детская библиотека

Главлит № 35.110.

Тираж 10.000 экз. (Москва).

Типография «Пролетарий у Рудя», Красная пл., б. Среда. Торг. Ряды, д. № 1.

ЯШКИНА СКУКА.

1.

Яшка решил умереть.

Не знал только—страшно это, или не страшно.

В комнате было темно. Под кроватью скоблилась крыса, по стене ходила большая лохматая тень от Яшкиной головы. На столе самовар светил белой коленкоровой накидкой, а издали казалось: не самовар это—колдун в белой рубашке, хочет Яшку схватить.

Нет,—и не колдун.

Смерть Яшкина головой мотает.

Завернулся Яшка в большую дерюгу и колени подобрал к самому подбородку. Пощупал подошвы, а они холодные. В темноте под дерюгой будто крыса пробежала, мазнула хвостом по губам. Векочил Яшка из-под дерюги, сел. И опять колдун в белой рубашке глядит со стола зелеными глазами.

Надо бежать.

Встал Яшка на колени, чтобы с кровати прыгнуть прямо в дверь, а тут отец пришел из города. Зажег керосиновую лампу над сапожным верстаком, уселся на маленькую кадушку, обшитую кожей. Стало Яшке легче. Подумал он о смерти, зажмурился. При огне не страшно. Сквозь веки желтым просвечивает чуть-чуть. Только людей не видать. А кадушечка скрипит под отцом—слышно,—и как красноармейцы поют на улице—тоже слышно. Надо будет умереть. Жить не хочется и учиться не хочется. Скучно. Стиснул плотнее просвечивающие веки, дышать перестал. В нос маленько выходит дух, а изо рта нет.

Умер.

Лежит на кровати носом кверху мертвый Яшка, руки на груди сложил. Бабушка у них недавно умерла. Лежала когда на столе, тоже руки на груди сложила. Около ба-

бушкиной головы свечка горела. И около Яшкиной головы будет гореть, только не сейчас. Сейчас он нарочно умер, испробовать. Поэтому и нога одна дрожит, и затылок чешется маленько.

Лег по другому.

Почесал затылок, вздохнул:

— Все равно не получится из меня хорошего человека!

Под окошко в это время товарищи, будто, пришли: Петька Зубрилин, Ванька Ганашенков, Семка Коза. Отец говорит им:

— Домой идите, ребята! Больше Яшка не пойдет на улицу.

— Почему?

— Умер он.

— А почему он умер?

— Потому, что скучно жить...

Лежит Яшка под дерюгой носом кверху, с улицы мать приходит и прямо к отцу:

— Ты нынче Яшку бил?

— Бил.

— Хорошенько побей! Опять он чашку чайную разбил у меня. Не получится из него хорошего человека...

А отец говорит:

— Мне нельзя хорошенько бить: сама знаешь, нервами я расстраиваюсь, могу захворать...

— Какой же ты отец!—ругается мать.—Если не можешь по слабости характера бить, мне вели.

— Бей, ты имеешь право...

Навалился большой страх на маленького Яшку, потом пришибло все тело ему, булавами прокололо. Чересчур больно дерется мать, и обязательно с молитвой.

— Господи, благослови, дурака выучить, озорника на разум наставить. Р-раз!

— Мамынька, не буду!—вскрикивает Яшка.

— Я тебя выучу в хорошие люди!

— Мамынька, золотенькая!

— Это тебе за чашку, это за стакан, это за плохое учение. Убью, подлец-мошенник!..

Сидит на кровати избитый Яшка, испуганно вздрагивает.

Мать хочет, чтобы из Яшки получился писарь, хороший человек, вроде Моисея Окуневича, работающего на конторских книгах, а Яшке жить не хочется и учиться не хочется.

Скучно...

Привязал бумажку коту на хвост—побили.

Начал корабли из картона делать, по ручьям в дождик пускать, а картонки на задники для ботинок отец принес, — опять избили. Стал замок гвоздем ковырять, чтобы паровоз

устроить, а мать замком расковыранным прямо по голове ударила. После два раза поцеловала в то место, где ударила, и шишку вековичшую маслом растирала. Шишка на голове

прошла, а обида в сердце осталась. Хорошо бы машинистом заделаться на железной дороге, уехать в другую землю, чтобы других людей увидеть. Жить больно не хочется в этом городе и на этой земле—глаза ни на что не глядят. Принес грамматику из школы, а в ней ни одной картинки. И задачник, по которому примерчики задает Марья Владимировна,—самая скучная книга: семь-у-восемь, пять-у-шесть... Разве тут выучишь?

2.

В четыре часа ходит Моисей Окуневич мимо Яшкиного дома. Брюки у Моисея внизу маленько загнуты—самые модные. Шляпа, как у богатого, и рубашка как у богатого,—с галстуком. А в галстук около воротничка булавочная головка светится—камешек такой. Все конторские носят такие камешки, потому что самая лучшая должность у них. А руки... А обращение какое! Дотронется до шляпы двумя пальцами Моисей и вежливо—вежливо скажет каждому человеку, которого знает:

— Здравствуйте! Мне почтение! Добрый день!

— До свиданья! Будьте здоровы!

Хуже всего от этого Яшке.

Как увидит мать Моисееву шляпу, как услышит деликатный Моисеев голос—обязательно расплечется, что из Яшки не получится хорошего человека, обязательно изобьет Яшку со слезами, с причитами. Потом захворает с расстройством, обвяжет голову мокрым полотенцем, застонет:

— Нет, не выйдет толку из нашего сына! Уморит он меня...

А Яшка, обиженный матерью, тут же побожится необдуманно, что и примерчики он решит лучше всех, и грамматику выучит лучше всех, и стишок наизусть. Размотает мать мокрое полотенце, скажет отцу:

— Василий, спроси его умноженье!

Долго будет шмыгать носом Яшка. Жарко делается в Яшкином носу, волчком завертятся тоненькие цифры, спутаются, перемешаются, будто нарочно, а отец, словно из ружья, начнет стрелять:

— Шесть-у-восемь! Шесть-у-девять! Семь-у-семь!

На лбу у отца два пупырышка с черными головками и усы, как у моржа, который в морской воде живет. Ногти варом замазаны, грудь под рубашкой расстегнутой вся в волосах.

— Постой, отец, не бей!—скажет мать.—Я сама побью.

Отец только рукой махнет.

— Я бы с удовольствием побил, кабы у меня здоровье настоящее было. Сама знаешь, нельзя мне расстраиваться. Умру вот, пускай тогда по миру ходит. Люди на должность встанут, жалование хорошее будут получать, а наш Яков Васильевич в золотую роту поступит...

И опять скажет мать:

— Слушай, Яшка, слушай, что отец говорит, клади маленько в голову! Я тоже недолго проживу, изведешь ты меня раньше срока. Говори: будешь отца с матерью слушаться?

— Буду.

— Будешь уроки учить лучше всех?

— Буду.

— Бери книжку, садись! Да не смей в окошко глядеть!..

Сядет Яшка над грамматикой непонятной, зашевелит губами утомленно:

— Брат-брат. Угол-уголь. Жар-жарь.

Если согласная буква на конце слова выговаривается мягко, после нее пишут мягкий знак.

Например:

Кон-конь.

Будут Яшкины губы шептать слова надоевшие, а перед глазами пройдет живой настоящий кон в Светлом переулке. И Ванька там, и Петька там, Семка, Гришка, Сенька. А бабок сколько наставлено! Семка всегда обыграет. Биток у него больно хороший и глаз, как у охотника. Нацелится и трахнет в самую середину. Вчера зараз двенадцать бабок подшиб, наклал два кармана, продал. Вечером в кино ходил, видел картину, как барыня отравилась. Муж ее бросил, она и давай плакать. Еще хотела выйти, в другой раз—никто не берет. Купила порошков в аптеке, записку написала: я, говорит, жить больше не буду, скучно мне.

Яшке тоже скучно.

В бабки играть нельзя, с кошкой играть нельзя, и паровозы с кораблями делать нельзя. А все Моисей Окуневич виноват: из-за него приходится учить и грамматику с примерчиками, и стихи наизусть...

3.

Марья Владимировна велела задачку решить на дому, а решить ее никак невозможно.

«Два путешественника выехали одновременно из двух городов друг другу навстречу. Первый проезжал по 74 версты в день, второй по 67 верст. Встретились они через три дня. Сколько верст от одного города до другого?» (Примечание: решить двумя путями).

Ванька Ганашенко любые задачки умеет решать, но про эту прямо сказал:

— Она неправильная!

И Петька Зубрилин тоже сказал:

— На-кой она сдалась! Выехали из двух городов, а города не указаны.

Заглянул в задачку Яшка,—верно: города не указаны.

Тут же припомнил из грамматики:

— Названия городов пишутся с большой буквы. Петербург, Москва, Киев, Астрахань.

Решить двумя путями. Какими путями, ничего не известно. Если ехали где—тоже не сказано...

В маленькую переменку аэроплан летал над городом. Яшка никогда не видал его близко. Говорят, на птицу похож он, с двумя крыльями и колесо на хвосте у него, которое трещит. После перемены Марья Владимировна об'яснила, как надо задачки решать, а Яшка об аэроплане все время думал, и каждая цифра из головы у него улетала маленьким аэропланом. Хорошо бы самому сделать такой с двумя крыльями и нарочно спуститься над городом в праздник, когда весь народ на улице. Пусть посмотрит Моисей Окуневич, работающий на конторских книгах. Пусть поклонится Яшке, чтобы на воздух поднять его.

И мать тогда скажет всем:

— Яшка наш по воздуху летает аэропланщиком.

— А жалованье какое?

— Прибавить хотели...

Только полетел Яшка, непризнанный аэропланщик, в мыслях своих из училища, тут и накрыла его Марья Владимировна неожиданным вопросом:

— Вавилов, ты слушаешь?

— Слушаю.

— Понял?

— Понял.

— Повтори!

Трещит аэроплан невидимый и страшно мешает думать Яшке. Разбегутся мысли Яшкины в горячей голове, хват—не туда. То стихок на языке вертится, то согласные буквы, которые с мягким знаком на конце. Не успел он дома раздеться, в сумку с книжками вцепилась мать обеими руками:

— Покажи урок!

Показал Яшка задачку немилящую и тут же сознался:

— Мама, ее не решишь?

— Почему?

— Неправильная она.

Мать закричала:

— Слышишь отец? Опять нашел такую причину: задачка неправильная. Да разве неправильную задачку будут задавать? Зачем ты мне врешь?

Отец сказал не поднимая головы:

— Не давай хлеба до вечера—выучит скорее...

Мать еще громче закричала:

— Долго я буду мучиться с тобой? А? Долго? Говори при отце: мама, я обещаюсь задачку сделать нынче вечером! Яшка молчит.

— Говори за мной: на улицу я не пойду, с ребятами бегать не стану, буду слушаться маму с папой. Вырасту большой, поступлю на хорошую должность...

Яшка молчит.

Мать снимает со стены сапожный ремень.

— Слушай, Яшка! Если ты не сделаешь задачку, я тебе хлеба не дам—нынче и завтра. На замок запру, высеку, прогоню с глаз долой... Бесстыдник—бессовестник! Отец старается, день и ночь не спит, тетрадку новую купил, карандаш с резинкой, я хотела рубашку к празднику сшить. Так и знай, подлец, мошенник, ничего тебе не будет за это, все отниму. Умирай, отец, скорее, пусть дураком останется...

Идет вечер темный по Светлому переулку, обнимает Яшкину голову теплыми косматыми руками. Лежит на столе Яшкина голова, переполненная цифрами, поднять ее—силы нет. Вверху аэроплан жужжит, на хвосте у него колесо. А два путешественника из двух городов едут друг другу навстречу, никак не могут с'ехаться... (Примечание: решить двумя путями). А если согласная буква на конце слова выговаривается мягко, после нее пишут мягкий знак. Например, конь. Эта лошадь хорошая, на ней можно шибко ехать. На чугунке еще шибче, ни одна лошадь не догонит. Ездил Яшка в прошлом году, колеса больно хорошо выговаривают:

— ...Ат-та-та!

— Ат-та-та!..

— Вышла кошка за кота!

А задачку с двумя путешественниками, кроме Семки Козы, никто не решит. Но, чтоб решил ее Семка, надо заплатить ему за это деньгами. Если же не заплатить, задачка останется нерешенная—и снова будет драться мать. Все равно отец не догадается, если утащить у него денег немного. Взять из верстака аккуратно, и мать не догадается. Потом опять положить можно, когда свои деньги заработаются. Вылез Яшка из-за стола, подошел к верстаку. Протянул дрогнувшую руку, запутался глазами и мыслями.

— Это чего?

— А это чего?

— Скорее бери!

Но никак не ухватишь разбежавшиеся деньги. Руки трясутся, и тело ходуном ходит. Только хотел отскочить назад, мать и накрыла его:

— Воровать научился? В люди вышел?!

— Мамынька, милая, я сам решу!—кричит перепуганный Яшка, вырывая из рук матери большое горячее ухо.

— Вор ты, вор несчастный!—задыхается мать.—Шаромыга-бродяжник! Да я тебя своими руками задушу! Да я тебя на месте раздавлю! Говори в последний раз: будешь жуликом?

Не понял Яшка в испуге смертельном, радостно закричал:

— Буду!

Защемила мать Яшкину голову промежду ног, завернула рубашку на спине, сечет по голому телу сапожным ремнем:

— Вот тебе! Вот тебе!

— Мамынька, не буду! Миленькая, не буду!

— Вот тебе! Вот тебе! Василий, отними меня! Василий, я убью его! Ой, батюшки, я истираню его...

4.

Ночь какая длинная! Закроет глаза Яшка, а на него в темноте кошка лезет, царапает дерюгу длинными когтями. Вздрогнет, сожмется он, а кошка за ноги хватает, рубашку на спине заворачивает. Нет, не кошка—это мать Яшкина кошкой обернулась, лезет под дерюгу с сапожным ремнем.

— Ты грамматику выучил?

— А примерчики?

— А двух путешественников?

Лучше умереть скорее. Все равно из Яшки не получится хорошего человека. Люди на должность поступят, жалование приличное будут получать, а он грамматику не знает и учить ничего не будет...

Думает Яшка, как умереть, чтобы не страшно было, а перед глазами товарищи стоят около кровати: Петька Зубрилин, Ванька Ганашенков, Семка Коза. У всех в карманах бабки лежат и битки у каждого новые. Заглядывают они под дерюгу к Яшке, спрашивают:

— Яша, ты умереть хочешь?

— Да.

— Не надо, не умирай сейчас! Завтра на улицу пойдем.

— А чего там делать?

— В бабки будем играть. Из Косого переулка придут двое, оба сшибать не умеют. Обыграем их, бабки разделим пополам.

Думает Яшка.

И в бабки играть интересно, и умереть ему надо.

— Значит, умрешь?—спрашивает Петька Зубрилин.

— Умру!—тихо вздыхает Яшка, закрывая глаза.

— А биток кому отдашь?

В этом вот и заключается вся штука.

Хорошо тому умереть, у кого битка нет, а у Яшки биток лучше всех: навесистый и ложится каждый раз на плечку. Сам Яшка не умеет сшибать пока, либо перекинет, либо не докинет, а Семка Коза Яшкиным битком весь кон подмазывает с одной руки. Ванька Ганашенков перебивает Яшкины мысли:

— Дай мне твой биток? Выиграю им десяток конов — два тебе.

— Не давай, Яшка!—завидует Петька.—Сам выучишься играть...

— А где он выучится, если умрет?

— А на-кой ему умирать?—кричит Семка Коза.—Чай, он не старик!

— Мать у него больно дерется...

— А на-кой она дерется? Давайте не слушаться матерей!

— Давайте!

Высунул голову Яшка из-под дерюги — темно кругом, чуть-чуть лампадка светит. Отец на кадушечке руками разводит, сапоги подшивает. Мать на лавке охает — голову раскричала. В темноте она совсем не похожа на мать: баба чужая, и нос карандашом торчит. Пусть сама умрет, если больно хочется ей. Пусть ее лихорадка затреплет, чтобы не дралась.

Спрятался Яшка под дерюгу, а мать в это время к кровати подошла, и голос у нее ласковый:

— Яша, ты не сердись, сынок! Давай я тебя поцелую. На маму нельзя сердиться. Мама добра желает такому дураку. Что, молчишь?

Сжалось Яшкино сердце. Отвернулся он к стене, сердито посапывает. А мать под дерюгу лезет, приласкивает Яшку, насильно к себе лицом поворачивает.

— Не сердись, Яша, не сердись!.. Сам знаешь, какая я расстройчивая. Мы с отцом добра желаем тебе, а ты неспособный. Неужто ты не можешь выучить эту самую табличку, будь она, оканная, проклята! Неужто не хватит ста-

ранья у тебя? Лежи все время и думай в уме, а игрушки выкинь из головы. Отец, ты купишь Яшке конфетку?

Отец говорит, как из колодца глухим, перехваченным голосом:

— Будет стараться лучше всех — две куплю, а весной сапоги сошью с зелеными ушками.

— Слышишь, Яшка, чего отец говорит? — радуется мать. — Две конфетки купит и сапоги сошьет с зелеными ушками. А я тебе пиджачок куплю с хорошими брючками, и все про тебя скажут тогда: «Какой хороший мальчик у сапожника Вавилова! Отца с матерью слушается, уроки учит, четыре стишка знает наизусть».

Совсем растопилось Яшкино сердце от сладкого чувства. Уже лицом повернуться хотел к матери, но Петька Зубрилин сказал ему в оттопыренное ухо:

— Стой! Ведь мы уговорились не слушаться матерей!

Взяла мать Яшкину голову, чтобы в губы поцеловать, а он как дернет плечом, и ногой в живот матери ударил:

— Не лезы!

Мать загорелась.

— Как ты сказал? Кому ты сказал?

— Пусти!

— Как?

— Этак! Сама дерешься каждый раз.

— Ах, ты, подлец-мошенник! Ах, ты, несчастное детище! Василий, избей его Христа ради! Не могу я расстраиваться с таким дураком. Вот тебе! Вот тебе!

5.

Хорошо без матери жить.

Петька Зубрилин самый счастливый.

Была у него мать — дралась. Теперь умерла — и драться некому. Отец на заводе работает. Уходит рано, приходит поздно. Петька сам себе хозяин. Хочет — учит табличку с примерчиками, хочет — нет. А Яшка с Ванькой, Семка Коза — самые несчастные люди: мать у каждого есть, и каждая мать дерется. Яшкина мать хочет в контору поставить Яшку, а Ванькина мать целый день долбит, даже слушать надоело:

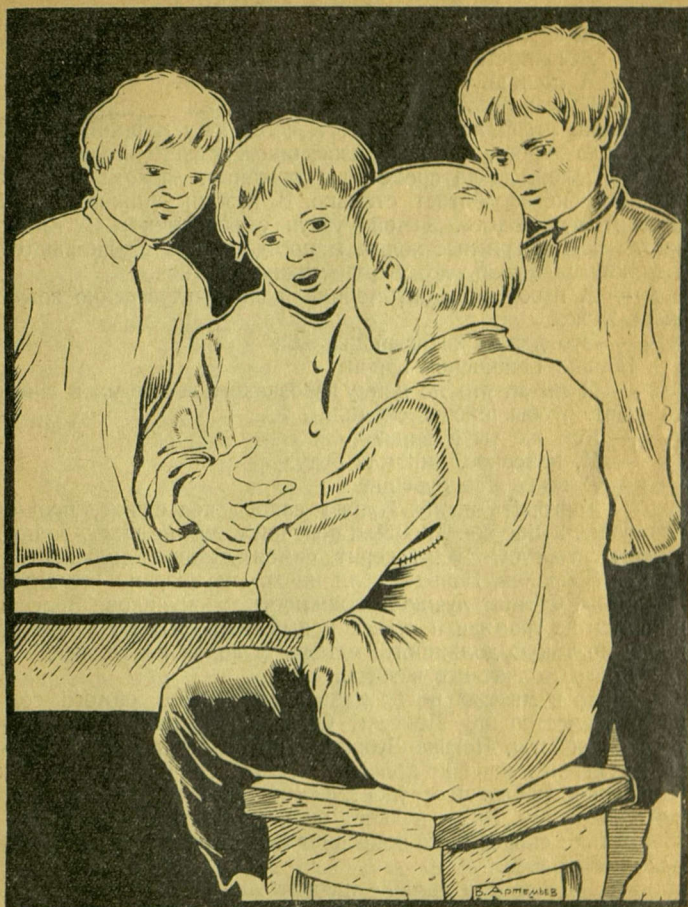
— Учись, Ваня, учись! Выучишься лучше всех, на доктора отдам тебя.

Ну, Ваньке страсть не хочется на этого доктора: людей мертвых придется резать и зубы выдергивать, у кого болят...

Сидят четыре товарища в комнатухе у Петьки, горюют...

— Ты, Семка, на кого пойдешь? — спрашивает Яшка.

Семка, разглядывая паутину на стене, долго молчит:
— Я, наверное, комиссаром буду.
— Зачем?

— С буржуями воевать!..
Все трое глядят на Семку с большим удивлением.
— Комиссары из коммунистов бывают.

— Я тоже в коммунисты поступлю.

— А стрелять умешь?

— Выучусь!

Петька Зубрилин неожиданно перебивает:

— Нет, я извозчиком буду.

— Зачем?

— Должность легкая—все время на лошади ездить...

— А лошадь где возьмешь?

— Куплю.

Яшка легонько вздыхает. Хочется ему машинистом на железную дорогу, а Петька извозчиком дразнит. Если купить хорошую лошадь да пролетку с кожаным верхом, никакой комиссар не заработает столько. В дождик можно пальто брезентовое надеть, зимой—тулуп с воротником. А машинисты всегда грязные ходят, и поезда у них сталкиваются. Столкнутся ночью—до смерти можно убиться.

— А извозчиков автомобили давят,—неуверенно возражает Яшка.

— Это давят, который пьяный!

Ванька Ганашенко кричит:

— Я ни за что не пойду извозчиком: всегда их в спину толкают, чтобы шибче ехали...

— Кем же ты будешь?

— Я, наверное, никем не буду.

— А жить как будешь?

— Торговать начну. Куплю сапоги подешевле, продам подороже. У нас вон Михайла портной и сам не шьет, только готовым торгует. Это, говорит, самая лучшая должность...

— Закройся, Ванька, если ничего не знаешь!—сердится Петька — Самая лучшая должность у жуликов. Залезет в карман на трамвае и гуляет целый день. Только я сам не пойду на такую должность: в тюрьму попадают от нее.

Долго молчат все четверо.

Яшка в мыслях на аэроплане летит около самого солнышка, смеется над Мойсеем Окуневичем, идущим с конторской работы. Петька Зубрилин на пролетке скачет с кожаным верхом, нарочно колесами брызжет на барыню. Ванька Ганашенко сапоги перекупает, Семка Коза на буржуев войной собирается. Эх, и пухнет он которого, если налетит!

Петьке скорее всех надоедает думать и он говорит утомленным голосом:

— Давайте кто дальше плюнет!

— У меня слюней не хватит,—вздыхает Яшка.

Семка, перебивая его, спрашивает:

— Петька, тебе жалко—мать умерла?

Петька смотрит в потолок.

- Когда жалко, когда нет.
Ванька плюнет на ладонь.
— Давайте пузыри делаты!
— Зачем?
— Так, для игрушки. У меня тоже, наверное, мама скоро умрет...
— Один останешься?
— Угу.
— Нынче можно без матерей обойтись.
— А у тебя, Яшка, умрет?
Яшка тихонько вздыхает.
Трое глядят равнодушно—скупными, утомленными глазами.
— Вставайте!—говорит Петька.—Сейчас пойдем на горшечный завод, набираем глины, будем игрушки делать. На станции гайку отвинтим, утащим маленькую рельсу—паровоз сделаем. Я тоже раздумал в извозчики итти. Семка будет комиссаром, Яшка—машинистом, а мы с Ванькой без билета сядем. Поймает Семка Ваньку, в милицию потащит судиться, а я скажу ему:
— Товарищ комиссар, вы не имете права из пролетариев брать—нынче не старый режим!
Яшка от удовольствия подпрыгивает.
— Эх, и весело будет!
Но через минуту лицо его омрачается: тенью стоит мать перед глазами, тушит в сердце загоревшую радость. Лезет она с сапожным ремнем, с грамматикой, с табличкой умножения, ведет за собой Моисея Окуневича, жалобно говорит ему:
— Сделайте, пожалуйста, хорошего человека из моего сына—не старательный он...
Сжимается Яшкино сердце в тоске непосильной, спрашивает он товарища задрожавшими губами:
— Ванька, ты тоже не будешь матери слушаться?
Ванька сердито кричит:
— Сказал не буду, значит—не буду! Чего пристаешь!..

6.

Вот когда праздник большой! Третий день не встает Яшкина мать. Приводил отец доктора в черном пиджаке, доктор велел не расстраиваться. Лежит на кровати под легкой хворающей матерью, только стонет все да пить просит чего-нибудь кисленького. А кричать ей нельзя и драться нельзя, чтобы сердце не повредить. Крикнет—опять замолчит. Посмотрит с горем на Яшкину сумку, скажет шопотом:

— Учи, Яшка, не расстраивай меня!

Ну, и Яшка тоже хитрый.

Развернет книжку нарочно, а сам о другом думает. Вытащит бумаги, коней рисует. Все равно мать не видит с кровати. Вставать нельзя: доктор не велел. Эх, кабы по-дольше похворала!

— Учишь, Яша?

— Учу.

— Учи, учи, сынок, не расстраивай меня!

Шутя теперь можно мать обмануть. Отцу не до этого. Сидит он на кадушечке за верстаком, руками разводит. В зубах у него дратва висит, два конца, словно вожжи растянутые. Смотрит Яшка на отца сутулого с лохматой головой, тихонько ухмыляется. Очень уж лошади хорошо выходят на картинках, и отец похож на взнузданную лошадь. Срисует Яшка двух лошадей, на улицу сбегает, с Ванькой увидится, с Петькой. Семка биток покупает, но продавать, пожалуй, не стоит. Если мать умрет поскорее, тогда биток самому пригодится.

— Учишь, Яша?

— Учу.

— Учи, учи, сынок, старайся маленько!

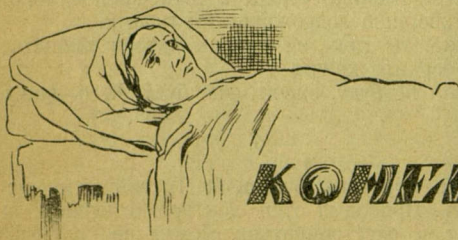
— Мама, ты долго будешь хворать?

— А тебе хочется?—загорается мать.—Погоди, я нарочно нынче встану, сама погляжу, чего ты работаешь там...

Сразу тошно становится Яшке. Глядит он на коня недорисованного, на больную, сердитую мать под дерюгой, злобно думает:

— Господи, дай бог, чтобы умерла скорее.!

Пусть ее лихорадка затреплет, чтобы никогда не вставала!..

КОНЕЦ

668698

Российская государственная
детская библиотека

82961

Пров. 1939

1

Цена 20 коп.

150 =

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„НА ПОМОЩЬ ДЕРЕВНЕ И ШКОЛЕ“
Г. Ф. МИРИАНОВА.
МОСКВА, Плющиха, д. № 11, кв. № 17. Телефон № 3-33-04.